

ЭТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АЛТАЙСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Свадебная обрядность этнотерриториальных групп южных алтайцев (алтай-кижи и теленгит) имеет одинаковую основу и представляет поликомпонентную структуру. Опыт анализа обрядовой структуры на примере карельской свадьбы дан Ю.Ю.Сурхаско, якутской - П.А.Слепцовым, бурятской - Г.Р.Галдановой, свадьбы сибирских казаков - В.В.Реммлером¹. Исследователи выделили в них следующие основные подструктуры: юридическую, экономическую, культово-магическую, демонстративно-символическую, развлекательно-игровую и социальную. Структура алтайского свадебного церемониала, как уже было сказано, также полифункциональна, причем каждой функции соответствует определенная группа обрядовых элементов, а некоторые элементы выполняют несколько функций, что объясняется синкретической природой ритуала в целом.

По собранным мною этнографическим материалам (1988-1992 гг.)², есть основания для выделения еще одной - этической подструктуры. Ее элементы имеют место на протяжении всего церемониала и могут быть рассмотрены как определенная система знаков, и как специфическая форма регуляции общения, и как особая форма поведения (ритуальная, коммуникативная, проксемика и пр.). В поведенческих стереотипах выражается социальный опыт народа, поэтому поведение человека в традиционной культуре регламентируется целым рядом механизмов: обычай, обряд, ритуал³.

Свадебная обрядность является одним из этноэтикетных сценариев, где стереотипность поведения участвующих лиц задана самой традицией. А имеющие здесь место стандартные ситуации определены многовековой культурно-исторической традицией. В качестве этикетных дифференцирующих выступают такие признаки, как пол, возраст, общественное положение, родственные связи, степень знакомства и другие.

Обратимся к одной из наиболее характерных ситуаций - сватовскому визиту к родителям невесты. Он совершался неоднократно и на различных этапах свадебного церемониала: несколько визитов сватов во время сватовства (предварительного и официального), свадебный визит сватов и послесвадебный приезд молодой семьи в сопровождении родственников жениха. Основное назначение визитов сватов состояло в выражении уважения родителям невесты, поэтому хозяева айила не выходили навстречу приехавшим и сидели на своем месте: мать невесты на почетном месте тор женской половины, а отец - мужской.

Расположение участников обрядового визита регламентировалось. Если брак заключался по предварительной договоренности родителей обеих сторон, то родители невесты устраивали проводы и сваты садились возле очага, на почетные места для гостей: мужчины на мужской стороне айила, а женщины на женской. Жених и невеста сидели друг против друга: невеста на женской стороне ближе к тор как член семьи, а жених на мужской ближе к выходу. Если брак заключался путем символического умыкания невесты, то сваты, как совершившие умыкание их дочери, осторожно и тихо входили и коленипрочно приседали у порога, произнося краткое приветствие. Такая поза сватов являлась одним из выражений испрашивания у родителей невесты согласия на брак их дочери.

Некоторые элементы обрядности, возникнув как культово-магические, постепенно приобретают этическую окраску. Существует ряд правил поведения сватов, нарушение которых расценивается как неприличие, как предвестник несчастья. Сватать полагалось засветло, предпочтительно в первой половине дня, но никак не вечером, точнее, после заката солнца, что по народному поверью может повлечь неудачу в сватовстве. В ожидании согласия (jon) родителей невесты на брак, сватовство возобновлялось каждый раз на следующий день обязательно утром.

Соблюдался язык знаков: на вопрос о цели первого визита сваты отвечали инсказательно. Говорили, например, что ищут

потерянное, что на условном свадебном языке означало пожелание благополучного сватовства. Этой же цели отвечало пространственное противопоставление правый-левый, имеющее оценочный смысл: правое имело положительное, а левое - отрицательное значение. Старший из сватов со словами извинения за совершение умыкания их дочери и просьбой дать согласие на брак приседал на левое колено, наливал из привезенного тажуура аракы⁴ в пиалу и подавал ее хозяевам правой рукой, поддерживая левой под локоть. По представлению алтайского народа, правая рука является рукой благодати, которой можно вручать и принимать дары.

Сначала пиалу с аракой старший сват, стоя на одном колене, подносил матери невесты: та, покрыв на огонь и на свои косы, перекинутые на грудь, в знак пожелания благополучия дочери, отпивала и возвращала пиалу. Долив аракы, старший из сватов преподносил пиалу отцу невесты, потом остальным ее родственникам, как правило, по кругу, со стороны восхода солнца. Подать угощение против хода солнца являлось оскорбительным и означало предвестие несчастья.

В алтайской обрядовой культуре важна и другая оппозиция "передний/задний". Во время свадебного визита белкенчек тужурип родственники жениха вносили в айил родителей невесты подогретую заднюю половину туши, причем, как обращали внимание информаторы, следовало держать ее передней частью к очагу. Соблюдение такого правила объяснялось двумя причинами: белкенчек-уча являлся частью туши почитаемого народом скота (лошади или барана); это было одним из проявлений уважения сватов к родителям невесты.

Другая оппозиция "старше/младше", имеющая социальный характер, определяет этикетную ситуацию в обрядовой культуре южных алтайцев, где традиционно существует почтительное отношение к старшему поколению, олицетворяющему житейскую мудрость и источник многовекового социального опыта. Рассмотрим самую типичную ситуацию - прием гостей и угощение их. Расположение всех присутствовавших регламентировалось согласно этикетно значимым концепциям деления и распределения пространства юрты. Почетное место тор, максимально отдаленное от входа, находилось за очагом. Вошедшие располагались по возрасту и рангу вокруг таким образом, что старшие были ближе к хозяевам, а младшие ближе к дверям - мужчины на мужской, женщины - на женской половине. Желая выразить предпочтение гостю и пригласить его на почетное место, обычно говорят "Оро отураар" - 'садитесь выше' или "Ичкери отураар" - 'садитесь вперед'. Согласно семиотическим оппозициям жилого пространства - лево/право, впереди/позади, выше/ниже, первый/последний, оп

ределялись акценты в правилах этикетного поведения участников общения.

После обязательного приветствия сторон было принято спросить о состоянии скота, основного средства существования семьи, затем о благополучии детей и родственников. Только после вступительной, этикетной по существу, части беседы возможен переход к деловому разговору, например, сватовству. Если это была пировая ситуация, то стандартными темами для разговора и его поддержания являлись обмен мнениями об особенностях года и хозяйственных проблемах. Касались важнейших событий последних лет, поучительных эпизодов из жизни предков и легендарных героев. Этот размеренный разговор в основном вели почитаемые пожилые люди, а молодые могли говорить лишь тогда, когда к ним обращались старшие. Следовало избегать тем, которые неприятны для одной из сторон. Запретным для бесед являлось все то, что противоречит морали и представлениям о приличиях.

В свадебном церемониале пища выступала в нескольких ролях: сакральная, праздничная, престижная. Основными угощениями являлись мясные и молочные блюда. Для свадебного торжества годились только баранина и конина. Искусство забоя и разделки туш высоко ценилось у народов Центральной Азии с древних времен. У алтайцев забой и приготовление мясных блюд являлось делом мужчин. Существуют традиционные способы забоя коня (шукшулуп) и барана (озогин узуп). Первый из них заключался в протыкании ножом нерва шейного позвонка (жулун); второй - в пробивании диафрагмы и прерывании аорты (улу кан) через разрез под грудиной. Это способствовало чистоте сбора крови животных, которая шла в пищу. Нарушение этих правил считалось неприличным отступлением от устоявшихся норм.

В обрядовых угощениях важно не только то, что едят, но и с кем едят, кому преподносится первое угощение, кто его преподносит. Именно поэтому пища у алтайцев рассматривается как отдельная категория этической культуры. Первое угощение всегда предназначалось женщинам. Если это свадебное угощение, когда потчевали сторону невесты, то преподносили родственницам невесты. Им преподносили на деревянном блюде-тепши грудинку (тош), а мужчинам-сватам - мясо голени (јодо), бедра (тонгмок), таза (јалмаш). Отдельно подавалась баранья голова (баш) с окрашенными рогами, с повязанными лентами, опаленная и с надрезом на лбу. Она предназначалась дяде невесты по матери (таай), как самому почитаемому из всех сватов. Блюдо подавалось так, что голова барана была обращена к гостю. Пирующие неоднократно получали части туши, считавшиеся почетными. В больших чашах табак подавали крепкий мясной бульон мун, в

котором были мелко накрошенное жирное мясо и внутренний жир. Мясо едят, макая его в бульон, некоторые запивают мясо бульоном.

Свадебное угощение подносили молодые из числа родственников жениха сначала самым старшим, затем остальным. Те, в свою очередь, приглашали племянников и передавали им свое первое угощение. Считалось приличным свою долю мяса преподнести кому-либо из присутствующих в знак особого уважения. Такая передача называется баркы. Моральные нормы алтайского общества учили не только почитать старших, но и не забывать молодежь, считаться с нею. Молодежь же обязана соблюдать этикетное поведение по отношению к старшим. Молодое поколение и женщины, имеющие не более двух детей, не должны сидеть на равных в кругу старейших и пить аракы. Старшие должны были соблюдать нормы питания. Употребление алкогольных напитков в традиционной культуре было, как правило, весьма ритуализовано. Народная мудрость видела веселье в праздниках, песнях, играх.

В церемонии проводов гостей утилитарная функция слилась с этической. Как определяет Б.Х.Бгажноков, возникновение проводов было связано с необходимостью защиты гостей от нападения, впоследствии они стали демонстрацией уважения, почтения или подчинения⁵. По обычаю

гостеприимства, у алтайцев гостей следовало проводить (уйдежип) какую-то часть пути. В архивных записках А.Г.Данилина сказано: "После угощения родня жениха села на коней, отъехала недалеко от улуса и расположилась в ожидании отъезда родни невесты, чтобы их на пути вновь угостить, да перед отъездом вновь объехать два раза айил"⁶. В материалах А.В.Анохина есть следующее сообщение: "Начинаются проводы родственников невесты. Этот последний традиционный свадебный обряд совершается так. Двое или трое из родственников жениха и более садятся на лошадей, взяв ташаур с вином. И вместе с ними и все родственники невесты и отъезжают в поле на расстояние версты и там распивают вино. Этим они дают знать, что угощение окончено ... Гостей провожают, в нескольких местах делают остановки. Разогревают араку, угощают отъезжающих"⁷. Этим заканчивался свадебный пир.

По выходе девушки замуж вступал в силу обычай избегания. Можно выделить две группы лиц, между которыми он возникает: избегание невесткой-женой старших мужских родственников жениха-мужа, называемое кайындаш; и избегание ими молодой - келиндеш. Традиционный алтайский этикет предписывал замужней женщине определенные нормы поведения, состоявшие из комплекса запретов, которые, по существу, можно классифицировать следующим образом: запрет частых встреч по любому поводу; запрет

показа обнаженных частей тела; запрет лицемерия; запрет прямого общения. Невестка должна была обращаться к старшим мужским родственникам мужа (кайын) только через третье лицо. Считалось неприличным громко смеяться, разговаривать, кричать, первой начинать разговор и вмешиваться в мужские дела, шутить и допускать двусмысленные выражения.

В свою очередь, старшие мужские родственники мужа, по отношению к которым соблюдался обычай избегания со стороны невестки, придерживались аналогичных запретов. В присутствии невестки они не могли снять какую-либо одежду, не допускали шуток и ругани, непристойных выражений. Нарушившего этикет осуждали как человека невежливого, безнравственного⁸.

Существовавшие нормы общения формировали традиционный этикет народа. Сохранившиеся их стандарты, как одна из форм традиционно-бытовой культуры общения, наблюдаются и сегодня. Их роль отмечали С.А.Токарев, Б.Х.Бгажноков: определив реальные, в том числе психологические источники, питающие обычай избегания, нужно понять данный фрагмент культуры не как вредный пережиток, а как норму, отвечающую запросам общества⁹. В этой связи следует сказать об очевидной недостаточности рассуждений о приниженном, зависимом положении алтайской женщины - такой подход не позволяет глубоко вскрыть этико-мировоззренческие основы обычая избегания. Комплекс запретов между невесткой и отцом, старшими братьями ее мужа выступали в качестве социально-привычных форм поведения, а не как тягостная обремененность невестки. Следует подчеркнуть, что налагаемые обязанности были взаимны, что уже само по себе ставит под сомнение наличие здесь унижения невестки.

Основная цель первого визита новобрачных к родителям жены заключалась не столько в получении оставшейся доли приданого, сколько в закреплении родственных связей и введении жениха в статус зятя. Согласно обычаю гостеприимства, родители невесты встречали гостей у коновязи, принимали поводья их коней и помогали спуститься, поддерживая стремяна, а затем под руки вводили родственников в айил. Молодая, ее муж и сопровождающие его родственники садились на почетные места для гостей, придерживаясь принципа деления юрты. Как и во время предыдущих свадебных приездов, матери молодой вручали эмчек тажуур (кожаный сосуд с молоком) в благодарность за воспитание невестки. Кроме того, к качеству платы за "грудное молоко" матери привозили тушу барана (эмчек караш), приводили дойную скотину (эмчекту мал), обычно кобылицу; корову же, как малопочитаемое животное "с холодным дыханием" (соок тумчукту мал), просто дарили. Первую телку от этой коровы мать отдаривала детям дочери. Отцу молодой в благодарность за воспитание

невестки доставляли хорошего коня (урук ат). Родители молодой совершали ответные действия, означав

шие признание состоявшейся семьи и признание зятя. Мать возвращала зятю левую половину туши барана (эмчек карыш), как человеку, взявшему ее дочь. Отец молодой подпоясывал зятя и благословлял его. Перед отъездом родители молодой обязательно выдавали новобрачным энчи, состоящий из скота различного вида, а новорожденного одаривали жеребенком или ягненком и передавали ему другие ценные подарки.

Гости посещали и дядю невестки по матери. Согласно нормам этикета, визит гостей считался знаком уважения хозяев. Родственники не могли входить с пустыми руками. Приняв подарки, хозяева устраивали угощение, а перед отъездом гостей одаривали, повязывали поясами кур, что являлось знаком уважения. Молодой семье выделялось энчи. После первой послесвадебной поездки молодожены могли самостоятельно и в любое время приехать как к родителям, так и к остальным родственникам молодой.

Как бы испытательным сроком существования молодой семьи являлся годовой период, когда помощь и участие родителей и родственников жениха были жизненно важными. Совершаемые в это время действия являются логическим продолжением и завершением обрядов, связанных со свадьбой.

Рассматриваемая подструктура имеет взаимосвязь с экономической, которая в свадебной обрядности южных алтайцев имеет свою специфику, обусловленную хозяйственным укладом жизни, общественной взаимопомощью и сложившимися этическими традициями. Существующая система представлений о купле-продаже, выраженной калымом и приданым, не соотносится с архивными и собственными полевыми материалами.

Е.С.Новик правильно подчеркнула, что термины "калым" и "приданое" весьма условны "применительно к сибирской свадьбе, где они оказываются формой обменного дарения"¹⁰. Вопрос о приданом не являлся у южных алтайцев камнем преткновения во время сватовских переговоров и вообще не было принято торговаться о приданом невесты, поскольку размер и содержание его были строго обусловлены обычаем. После согласия на брак сторона невесты совершала шаалта шаап, что означает "назначение шалта". С.Кудайбергенов верно отметил, что "в алтайском языке вместо калын употребляется старое слово шалта"¹¹. Многими исследователями вопрос о значении шалта решен однозначно, как "плата за невесту", но, чтобы определить суть алтайской шалта, нужно глубоко знать быт и обычаи изучаемого народа.

Хотя по своему значению приданое и шалта тесно взаимосвязаны, целесообразно отдельно рассмотреть сущность каждого

явления. В состав шалта входили не только различные материалы, доставляемые родными жениха родителям невесты до свадьбы, но и скот, выделяемый им в день свадьбы. Некоторыми исследователями сообщалось, что калым у южных алтайцев состоял из скота численностью от ста до тысячи голов¹². Однако не следует забывать, что алтайцы владели огромными стадами, поэтому несколько сот голов является незначительной долей отцовского стада, если к тому же учитывать еще и обязательную помощь сородичей.

Согласно обычному праву, родственники невесты ничто из присланных в качестве шалта материалов не должны были использовать в целях собственной наживы. Еще в 19 в. В.И.Вербицкий было зафиксировано, что "весь калым родители невесты отдают за нею в приданое, присовокупляя к нему и от себя, из своего имущества значительную часть"¹³.

Приданое, состоящее из одежды замужней женщины и предметов домашнего обихода, называлось жоожо, или сеп и доставлялось родными невесты в день свадьбы. Для подготовки его использовались средства обеих брачующихся сторон. В источниках имеются сведения многих информаторов о том, что "доставленные в составе шалта материалы и сырье (шерсть, кожа) родители невесты отдают новобрачным в виде готовых вещей"¹⁴. Таким образом, первичным является шалта, а его производным - приданое. Происходит первоначально предсвадебное разделение ценностей будущей семьи на мужскую и женскую составляющие, где то, что связано с жильем, одеждой и домашними занятиями, заведомо входит в сферу компетенции женщины, а то, что касается получения исходных материалов - мужчины.

Вторая часть шалта и приданого, называемая энчи, состояла из разных видов скота, разведение которого являлось основным занятием любой алтайской семьи и основным средством ее существования. Значение скотоводства в жизни алтайцев велико и поэтому молодую семью обязательно обеспечивали скотом: родители жениха - спустя некоторое время после свадьбы, удостоверившись в крепости семьи, а родители невесты - при первом визите молодых, когда их дочь становилась матерью.

Таким образом, родные невесты вносили основную часть в материальное обеспечение новобрачных, а родители жениха несли ответственность за их семейную жизнь. В архивных записях А.В.Анохина сказано: "Хотя новобрачные живут в своем айиле, но хозяйство ведут с родителями вместе. Кушают тоже вместе. Если скота достаточно, то обед, чегень и прочее делают отдельно. Все работы делают сообща, родители долго держат их под своим наблюдением, приучают к жизни"¹⁵.

Назначение шалта, с одной стороны, состояло в материальном обеспечении молодых родственниками жениха, так как из доставленных ими сырья и материала готовилась часть приданого. С другой стороны, шалта в виде присланного скота являлась не выкупом за невесту, а возмещением расходов на ее приданое. Шалта никак не являлась платой, покупкой или выкупом за невесту, тем более "фактором, унижавшим алтайскую женщину в дореволюционном прошлом"¹⁶. И алтайцы здесь не были исключением не только на фоне тюркоязычных народов, но и среди многих народов Евразии. Как известно, и в русской культуре "в XIX в. бытовал лишь термин калым, означавший материальную помощь жениха невесте и ее родителям на свадебные расходы, т.е. то, что обычно называлось кладкой"¹⁷. Интересным является вывод Ф.Д.Люшкевич, явившийся результатом изучения данной проблемы на среднеазиатском материале: "...в науке возобладал европоцентристский взгляд, сосредоточенный на количественном факторе свадебных расходов, без учета их распределения и перераспределения среди широкого круга причастных к событию членов семьи и общества, растянутый к тому же на весь жизненный цикл. Одноразовая же фиксация привела к возникновению теории покупки женщины. Соответственно и термин калым в европейской литературе закрепился как общий для всех

расходов со стороны жениха. Как правило, его применяют к понятию, часто не адекватному местному названию и толкуемому однозначно: плата за невесту, выкуп"18.

При заключении брака в деловой контакт вступали два сеока (рода). Каждая из сторон делала взаимные подарки, тем самым скрепляя союз. Этот свадебный дарообмен непосредственно способствовал установлению добрых отношений между роднившимися путем брака сторонами, в чем и проявлялась его функция, известная из этнографической литературы19. Каждый этап свадебного церемониала закреплялся обменом дарами между родственниками жениха и невесты в сопровождении пиришества. Обычай взаимопомощи родственников в организации свадьбы гарантирован ответным участием в аналогичных церемониях своих родственников. Это также является вариантом ответного дара, определенного долгом и моральными обязательствами.

Общественный характер заключаемого брака выражался в обязательном участии и оказании материальной помощи представителей сеоков жениха и невесты. При этом ни одна из сторон не стремилась получить материальной выгоды.

Развивавшееся социальное и имущественное неравенство вносило свои коррективы в эту традицию. Иногда имели место случаи, когда с целью восстановления былого богатства, заключавшегося в многочисленности скота, какая-либо из сторон ста

ралась получить побольше даров и сократить свои подарки. Но такая позиция влекла за собой ответственность всех родственников, так как проведение свадьбы по традиционным нормам являлось делом чести сеока.

Обычай общественной помощи представителям одного сеока проявлялся и при женитьбе юноши-сироты. Основная обязанность и долг в жизненном определении таких детей лежали на их дяде по материнской линии. Усилиями всего сеока проводили сватовство, строили новый айил, совершали свадебные обряды на свои средства и безвозмездно. А.В.Анохин в своих материалах начала XX в. подчеркивал: "Таким путем, путем подарков алтайцы восстанавливали новую обстановку новой семьи новобрачных. Но эти подарки никогда не оплачиваются, отдаются безвозмездно. Они имеют смысл нарастить и укрепить новое хозяйство новой семьи"20.

Таким образом, наиболее характерными элементами этической подструктуры, обусловленными половозрастными особенностями, являются безвозмездная помощь сородичей, первенство угощения женщин, особое положение старших на свадебном пиру, недопустимость питья молодыми наравне со старшими, запрет присутствия на свадьбе девушек, строгое соблюдение послесвадебного обычая избегания и предваряющего его свадебного "скрывания" невесты. Все это, безусловно, формировало основы традиционного алтайского этикета.

-----
1 Галданова Г.Р. Структура традиционной бурятской свадьбы//Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С.131-159; Реммлер В.В. Структурно-функциональная характеристика свадебной обрядности сибирского казачества//Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С.105-119; Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX - нач. XX вв.). Якутск, 1989; Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.

2 Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп.2; ПМА, 1988-1992 гг. 3 Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации

пространства в восточнославянской свадьбе//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С.89-106; Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения)//СЭ. 1978. N 5. С.3-17; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

4 Тажуур - кожаный сосуд, араки - опьяняющий напиток из сквашенного молока.

5 Бгажноков Б.Х. Организация пространства и этикет//СЭ. 1983. N 4. С.49-50.

6 Архив МАЭ РАН. Ф.15. Оп.2. N 26. Л.39. 7 Там же. Ф.11. Оп.1. N 211. Л.8. 8 Гершельман Э. Обычный уклад семейных отношений Алтай-Кизи//Революция права. 1929. N 4. С.138; Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов//Сборник этнографических материалов. Л., 1927. N 2. С.7-12; ее же. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков//СЭ. 1937. N 4. С.43; Шатинова Н.И. Обычай избегания в алтайской семье//Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых этногр. иссл. Душанбе, 1976. С.125-126; Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. Т.1. С.119.

9 Бгажноков Б.Х. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании//СЭ. 1979. N 1. С.56-63; Токарев С.А. "Избегание" и "этикет"//СЭ. 1979. N 1. С.69-75; Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формационная оценка или "этический нейтралитет"?//СЭ. 1978. N 6. С.61-70; Цэрэнхад Г. Некоторые обычаи избегания у монголов//СЭ. 1991. N 5. С.111-115.

10 Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С.183.

11 Кудайбергенов С. К этимологии слова шалта//Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976. С.184.

12 Вербицкий В.И. Заметки кочевого алтайца//Вестник РГО. СПб., 1854. Ч.24. С.103; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. С.2.

13 Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. С.85. 14 Архив ГАНИИИЯЛ. ФМ. N 261. Л.52; N 274. Л.13 (пере

вод автора). 15 Архив МАЭ РАН. Ф.11. Оп.1. N 211. Л.9. 16 Тошакова Е.М. Заметки о современном семейном быте у

алтайцев//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.67-68.

17 Лебедева А.А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX - начало XX в.)//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С.204.

18 Люшкевич Ф.Д. Традиции межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии (к проблеме бытования калыма и других патриархальных обычаев)//СЭ. 1989. N 4. С.62-63.

19 Смирнова Я.С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация//СЭ. 1980. N 1. С.99.

20 Архив МАЭ РАН. Ф.11. Оп.1. N 113. Л.4.